

И. Каллиников

Бобры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Каллиников**
Бобры / И. Каллиников – М.: Книга по Требованию, 2016. – 216 с.

ISBN 978-5-519-19138-8

Репринтное издание по технологии print-on-demand.

ISBN 978-5-519-19138-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ловню на бугры — горел лес до осени до самой той дороги, что Свинскою зовется, — ни корчевать его, ни возить — до пенушка огонь измолол, до корневищ — бобровникам пашня вольная.

Весною по буграм ковыряются мужики, пока Селиван с податью от дыма да рала на Москву ездит со шкурами. Вернется домой — хлеб вызреет, выводки в теремах на реке подрастут и заскрипит по ночам береза с осиною, — каждое дерево, что рубанком твоим, обстругано — молодецкий новый город у заводи ставит, запасает к зиме кору сочную. Отстроются на зиму и бобровники на буграх в новину отгуляют свадьбы и сойдутся в ночную пору.

Старший, Артамон, — смиренный парень, в Селивана пошел, а средний Митроха выходит с ножом на бобра и норовит сперва отрезать мешок со струею.

— Целебная она у него — лихоманка тебя начнет сушить — первое дело струи выпить — рукой снимет хворобу эту. Кости начнут болота разламывать — привяжи к ним бобровые — отойдет немочь.

А по секрету ребятам шепнет Митроха:

— А то — капли этой струи девке в питево — ни одна не устоит...

Селиван сыновьям приказывает:

— Ты, Митроха, зубы у них повыдергай, бабы просили грудным ребятам повесить, чтоб прорезались у них поскорей.

К старости Селиван брал с собой в Москву младшего, а у того дума крепкая, — не дождетса осени, — видел он боярышню в терему, когда отец товар разворачивал на шубу бобров боярыне.

Ветер по лесам бездомным шататься — бобровщики на реку, дождались зимы — с шестами на лед выгонять из нор-теремов с гиком. Старые бобры полезли на нож. Селивана схватил один в клещи, пока не переломил костяка — не выпустил. Отнесли мужика замертво. Старший сын Артамон не выдержал, сказал умирающему отцу:

— Не могу этого, пускай середняк за старшего

над бобровщиками, ему и грамота... Разве ж можно бобра весной трогать, тут ему любу к себе приманывать, а мы его губим... Он же ее, как человек, лапою гладит, на дыбки становится целовать, стонет да охает, а мы его ни за что режим, — лучше от воли своей откажусь, а тварь божью разумную убивать сил нетути.

Понабили бобра, а вести некому. Ванька меньшей Селиванов уластился всем бобровщикам, — те и доверили, — бывалый человек, на Москве ходы знает выходы, — уехал и был таков — помутила разум ему боярышня.

Селиван бывало в Москву, Артамон на мельницу, дочка мельника приглянулась, после смерти отца и запись дал на себя тестю.

— Я, Артамон Селиванов, бобровник, чиню ведомо сим моим писанием, что пристаю во двор Ионы мельника, до его дочки быти ему зятем, с этим моим тестем таковое, пристаючи чиню постановление: лет деликом десять живя в его дворе, повинен я его уважать яко отца своего, в делах всяких хозяйственных послушествовать во всем, яко отцу быти покорным. Тут же подтверждаю, что бобровати и не мышлю и не буду, сам себе в том запрещаю, что ежели бы я восхотел бобровати прежде десяти лет, согласно постановления имеет Иона мельник власть, тесть мой, отдаливши от всего, из двора выгнати и хотя бы я по десяти летех восхотел бобровати, заслуживши во всем согласно постановления, как во дворе, так и в пашне и во всех хозяйственных принадлежностях третью часть (опричь млина, в млине части нет), и того да буду чуж, яко странный пришелец, от всего того буду повинен удалиться.

Разнеслись о бобрах вести шалые и потянулся служилый люд добывать доходную землю, — приезжали с грамотами, полонили подлых мужиков с дворишками в кабалу и бобровников силою захватить хотели, да началось российской земли шатание при царе Борисе.

По дороге Черниговской через Нерусу реку, через Севск с самозванцем ляхи с казаками двинулись и через Бобры прошли. А Бобры, что твой город — собор золотые маковки и в соборе протопоп Григорий, внук Селивана; еще Артамон отошел от мельника, — двадцать лет прожил, а жена померла — мельник и третьей части ему не выдал — пошел под старость в причетники, а сына Григория в попы выбрали, потому из старого рода бобровников и почет ему по родственному Митрохин Богдан добывал.

Подступили ляхи к Бобрам с казаками, и татар прихватили с собой, отряд человек в тысячу и пешие и конные, — Григорий с Богданом за ножи с бобровщиками. С ними и мужики захребетники, тяглые, — с вилами, с топорами, до единого, кто только ноги мог передвигать, — впереди Селивановы, — не пустили в Бобры воровской отряд: с бугров бревна катили лошадям под ноги, горячей смолой заливали головы, землю глыбами выворачивали — с бугров котом. Григорий, протопоп, рясу долой, топор в руки, — пока не подошла помощь московская, на вылазках рубил вора головы — попадью свою, детей оборонял.

Бобры не в пример другим от воров отбивались, — в городах всякого люду по мерке отсыпано и ни на ком не написано, что у него на мысли, к тому же воеводы-бояре, Борисовы вороги, подсылали в народ крикунов-смутьянов подымать всякого передаться на сторону вора всем городом, а базарному люду и пришлому, — он как сума переметная, — кто ему больше дал на брагу, да на тютюн поганский, тот ему и отец родной, — тому все равно, а от них до скончания века слава за городом воровская — по всем проезжим дорогам с бубенцами и с листьем осенним носится, — Елец — всем вора отец, Ливны всем ворам дивны, Карачев ему на поддачу, Орел да Кромы — первые воры, а Бобры — не пример другим, службе царевой верны, на что и городом никогда не были.

Целые годы в ту пору в колокола не звонили по церквам, — запустение, из сел разбежались мужики по лесам, либо за наживою дармовой ушли за воров и сами ворами стали, а кто поостался в Бобрах — тушинцев видел, а те храм сожгли и разрушили — попу, Григорию Селиванову, и служить негде, — наказал господь его, что церковь покинул, — хоть и воров-супостатов, а все же во Христе братьев своих убивал.

Потом, как поставили деревянную, новую, под шатром со звонницею на валуне камне, — выбрали на Москве Михаила царя и поп опомнился. А в церковь ему идти не положено — за оружие брался, пролил кровь человеческую. Ходил сумрачный, в доме своем не знал покою Бобровник Богдан надоумил челобитную написать в Москву. Поп с великим писал усердием и село назвал городом.

— Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу бьет челом богомолец твой, города Боброва церкви архангела Михаила, архистратига небесных сил, поп Григорьище Селиванов. В нынешнее государь, лихолетье, когда вся Руси было шатание превеликое, когда приходил твой государь вор Гришка Отрепьев, да еще вор Тушинский с ляхами и с татарами и с козаками и приступал ко граду Боброву, тем неприятелем город Бобры не поддался и бились с ними сколько мочи было, и я, богомолец твой, на приступе под Бобром, боронялся от себя и от города, убил твоих государевых изменников человек шестьдесят и больше, и от тех, Государь, мест я, богомолец твой, без твоего государева указа и без благословения архиерейского служить в церкви божии не смею... Вели, государь, мне служить по прежнему, чтоб церковь божия, твое государь богомолье, впусти без пеня не была и чтобы мне богомольцу твоему, разоренному от воинских людей, было чем кормиться.

Подивились в Москве на челобитную и вместо ответа попу, — по Филаретову указанию: приехал

из Москвы сын боярский Бобров с грамотой вотчинной на село Бобры, полонить мужиков тяглых у служилых людей и бобровников об один двор, потому не по закону они мужиков набрали себе в хозяйство, и начал беглых людей на заставе ловить и сажать на свои земли с крепостью, — крепость подписывали — кресты ставили над своею волею.

Григорий с Богданом писались внуками Селивановыми, а внук Селиванов Василий — Бобровым, потому пожаловал ему царь на Москве за службу вотчины и бобров сибирских и стал он ходить в бобрах, — шубу-то сделал не в пример другим — и внутри и снаружи покрыл мехом и прозвали его Бобровый.

Сперва от мужиков брал записи, а там и бобровщиков стал переманивать и уговором и силком.

Не дождался Григорий-поп грамоты, не вошел в церковь и оскудела мошна его — ребят куча, все малолетки, без малого семь человек да все девки, один только сын. А Григорию завет от отца клятвенный — в бобровщики не вертаться, да и как убивать-то, когда и без того от руки его кровь пролилась человеческая, и пришлось ему своему же сородичу в кабалу писаться, лишь бы не пропала семья.

Про смерть было писано:

— Овдовелую жену мою и дети моя с двором, в Бобрах стоячим, во вечное отдаю владение и послушание, в чем они бы имели всякую справедливость чинити им, когда востребует он сын боярский Бобров, яко жена моя и дети, под клятвою моею и неблагословением грожу и приказую, а если бы они хотели где уклониться на сторону тайно, или иного защитителя востребовати, или своей, яко владельцем своим, не чинить повинности, вольно ему, сыну боярскому Боброву их отдалить от двора и иного вселить, кого ему надобно, а он, сын боярский Бобров, повинен мне по христианску погребсти, сорокоуст отслужить и всячески отпоминать.

Григорий поп в кабалу своему же родичу, а Бог-

дан с бобровщиками за ножи, — отстояли волю свою, что еще по грамоте давней была дана.

И стали Бобровы (от Селивана) владеть Бобрами, а бобровщики воевать с ними. Хоть и зверь измелчал, изведен годами, а воля-то милей кабалы холопской. Перебрались они из Бобров на выселки за реку, откуда она поворот сделала, на те самые терема бобровские, где еще бугорок неприметный вырос. На нем построил хату себе Богдан Селиванов с бабою и прозвище выселкам дал — Бобрики, а бобры на бо-лота ушли от людей.

Не унялся Бобровский род новозванный и выселки потянул в кабалу. Еще внук Богдана, Герасим Селиванов, Елизавете царице писал на него челобитную:

— Чинят нам господа несносные обиды: ибо владельцы наши, не объявляя нам никакого указа, но своею волею из наших товарищей притягают к себе в подданство нестерпимым боем, понеже, чтоб слушали и работали барщину им, растягши плетьюми бьют немилостиво, и между тем в прожитии нам немалое препятствие от них имеется с крайнею обидою, почему многие бобровники не дают оклада в казну твою, уже купно с тяглыми мужиками, отменяя повинность, барщину работают.

Ответ царицы короткий, — бобровщикам тяглыми быть Боброву.

Герасиму один путь — через казацкую степь в Запорожье буйное от Бобровского гнева.

Жене наказал уходя:

— Митькой зовут мальченку, так чтоб из роду в род старшему быть Митрием, может еще вольные придут времена, так будет ему примета моя.

II.

Большие Бобры давно село барское, — на версту расползлось по ручью — разухабистое, кривобокое, хаты как пьяные мужики разбрелись в престол, заломив на бекрень дырявые колпаки соломенные, — неумытые, непричесанные, в дырках слепи торчком — вихрастые.

Большие Бобры — не писаны, в писцовых книгах не значутся, мужицкое прозвище им такое от бобровщиков, по барскому зовутся — Боброво и фамилия у помещиков — Бобровы, — забыть не могли про шубу с плеча царского.

Бобровские мужики тяглые, по оброку у барина ходят, уговор у них — зимою в извоз, а к весне — деньги несут бурмистру, Селиванову Дмитрию.

Хлеб обмолят в овине с осени и пойдут гужом звенеть бубенцами сонными, идут по дороге — сосульками усы звякают, борода, — думают — сколько им раз придется до маслены обернуть с кожами в Москву, из Москвы в города с товарами.

Мужики в извоз, а барин прикащика на село за девками, — всю зиму ублажается отродьем бабьим — пляшут, поют, чертями скачут, а потом и барина и гостей потешают ласкою.

Господин Бобров каждому говорят:

— У меня жизнь один раз и Бобровых на свете один, а девок на селе хоть пруд пруди, должен же я утешать себя радостью... Захочу — зимой будет лето, девок венки заплетать заставлю, а на Троицын день устрою маслену.

Как сказал, так и сделал. С этого дня и оброк мужикам — соль возить, насыпать ею амбары до верху.

Садовнику к прощенному дню приказано цветы выгонять заморские в оранжереях, и свои полевые: ромашку с Иван да Марьею. Целую зиму выхаживал тот Боброву цветы вешние, сам не знал для чего, — приказано.

Маслена подошла, — бурмистр, Селиванов из Бобриков, по селу выгоняет из хат на мороз девок в сарафанах со вплетками разноцветными.

— Запевай, девки, троицкую.

Жмутся, девки, хихикают.

— На прощенный-то день троицкую, что ты, Митрич, грех то на душу брать.

— Коли барин велел и греха нет. Слышь, девки, троицкую.

В припляс хороводом по морозу с песнею до барского дома. В сенцы вошли — навстречу барин. В главную залу повел с колоннами. Посреди зала во всю ширину чан дубовый с водою, глубиной в сажень, — две недели его старики конопатили на морозе. Подле чана помост крытый коврами, а у стен деревья цветут заморские и по полу цветы бархатом. Натоплено — баня, дышать нечем.

Сияет Бобров, — радостный. Приказал разуваться девкам.

— Ну девки, рви цветы, завивай венки, веди хоровод кругом озера.

Жмутся те на помосте кругом чана, как овцы, озираются, а на хорях гости сидят — любуются хороводом девичьим.

Размяк от вина Бобров.

— Эй, бурмистр, водки неси, весели вином девок!..

Сперва хоровод с венками, а потом кукушку крепить велел и над озером в чане вместо берез две олеандры связали концами захмелевшие девки лентами, гости с хор им кидали — пунцовые, алые, го-

лубые, синие — в девок целились, жребий метали лентами.

Всплывший веноч на ленты с нательным крестом, — девка крестница — утеха барину. Звонкая песня хмельная кружится.

— Ах вы кумушки, голубушки мои, покумитесь, полюбитея, полюбите меня...

С двух сторон в крест целуются девки и попарно обнявшись идут кумами на ковры отдыхать. Сдуру да с пьяну запустила одна волошским орехом на хоры в гостей, а они к девкам медовые пряники есть, загивать наливками, лакомиться губами жаркими.

Барин похаживает в обжимочку с крестницей, а бурмистр молодой, Селиванов Митька, подле двери стоит, ухмыляется в бороду, будто нравится ему забава господская, а искорки в глазах так и бегают.

Барин тоже посмеивается на гостей, да как крикнет:

— Хочу видеть русалок в своем озере. Девки!.. Раздевайся, полезай в воду.

И на гостей взглянул боком, пригласил забавиться.

— Ну, друзья мои, кто какую девку поймает в воде — его будет.

Те сперва и не поняли.

— Бурмистр, зови сюда конюхов господам помочь влезать в озеро.

Расцвели огоньки в глазах Селиванова, побежал в людскую.

— Барин велел!... Господ кидать в его озеро, купаться им приказал.

Одного за другим во всех причиндалах, — фрачные фалды точно крылушки на воде, девки водой брызгаться.

За полночь колобродили гости с Бобровым, казачки третьи свечи вставляли сальные, в подвалы за настойками ноги отбегали повара бобровские.

На окнах мороз развел сады узорные, а в саду

барском, в зале — жара нестерпимая. Господские костюмы на заморских деревьях сушатся.

Бобров с пьяна корежится, — не угодила ему девка-крестница, чей веночек всплыл на воду, кому лентами увили голову, — сорвался как зверь, кричит холопам:

— Девоч в шею гоните!.. Стервы они недовольные... Праздник устроил для них — еще кобенятся!

Гостям с девками расставаться жаль, заступаться начали, а Бобров и на них прикрикнул:

— И гостей в зашей!

Пьяные девки с помоста шатаясь до сеней стадом; барин приказывает:

— До самого села хороводную петъ, да чтоб мне было слышно, а не то на конюшню завтра.

Селиванов, верный слуга, — гостей выпроваживал, не давал одеваться даже, так и бежали в руках с фраками да камзолами до саней своих зарываться в шубы, своим кучерам кричали бобровских бить, а те бить не били — смешно очень, — для виду галдежь подняли.

Девки в мятель-заметуху, и обуться барин не дал, на ходу на мокрое тело сарафаны накиннули, — липнут они, калянутся, — в припляс от мороза до села шли, до хрипоты песни кричали, чтоб барину было слышно. А на другой день огневица да запал — на горячих печках под веретями дрожат девки. Пять человек на погост отнесли и целую неделю старухи причитали в голос на могилах, пока не приказал барин кнутовищами гнать с кладбища. Весна подошла, — девки не радостны, не поют веснянок — сухота грудь душит. Бобров к весне навозил соли амбары полные. Мужики сперва думали, что барин за ум взялся, на всю губернию решил торговать солью, на откупа ее взял, — не тут то было — троицын день подошел — приказано всем мужикам с лопатами на телегах к барскому дому выгребать из амбаров соль, всю улицу на селе усыпать: